

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Денис Валентинович КАДОЧНИКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
старший научный сотрудник,
МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dkadochnikov@yahoo.com

Цитирование: Кадочников, Д. В. (2019). Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // *Terra Economicus*, 17(1), 96–111. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111

В статье представлен анализ российских федеральных законов и государственных программ на предмет заявленных принципов и целей языковой политики. Ключевые вопросы, поставленные в статье: как сформулированы цели и задачи языковой политики и насколько, с учетом используемых формулировок, они реализуемы на практике, а также в какой мере заявленные цели, задачи и мероприятия отвечают потребностям социально-экономического развития страны и обеспечения благосостояния граждан? Приходится констатировать, что в тексте нормативных правовых актов Российской Федерации, которые так или иначе определяют языковую политику и устанавливают пути ее реализации, понимание того, что конечная цель языковой политики – это благосостояние граждан и общества в целом, обеспечение возможности удовлетворения материальных и нематериальных потребностей, всесторонней реализации человеческого потенциала, прослеживается разве что косвенно, в положениях о языковых правах граждан. Выбор формулировок в основополагающих для российской языковой политики документах является одним из явных свидетельств того, что и в массовом сознании, и в политическом дискурсе живучи и популярны очень мифологизированные и упрощенные представления о целях и задачах языковой политики. Обнаруживаемая постановка целей и задач языковой политики в нормативно-правовых актах Российской Федерации, выбор практических мер реализации этих целей и задач в государственных программах не позволяют говорить о том, что потенциал языковой политики как инструмента социально-экономического развития страны, обеспечения социально-экономических интересов ее граждан задействован в полной мере или хотя бы в должной мере осознается участниками нормотворческого процесса.

Ключевые слова: экономика языковой политики; экономика языка; экономическое развитие; Россия

GOALS AND OBJECTIVES OF LANGUAGE POLICY AND PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

Denis V. KADOCHNIKOV,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Faculty of Liberal Arts and Sciences,
St. Petersburg State University;
Senior Research Fellow,
International Centre for Social and Economic Research – Leontief Centre,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: dkadochnikov@yahoo.com

Citation: Kadochnikov, D. V. (2019). Goals and objectives of language policy and problems of socio-economic development of Russia. *Terra Economicus*, 17(1), 96–111. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-1-96-111

The paper presents an analysis of Russian federal laws and state programs with a focus on the stated principles and objectives of language policy. Key questions posed in the paper include the following ones: How are the goals and objectives of the language policy formulated, and how implementable are they, taking into account the formulations used? To what extent the goals, objectives and activities declared meet the needs of socio-economic development of the country and the welfare of its citizens? It should be noted that texts of normative legal acts of the Russian Federation, which determine the language policy and establish the ways of its implementation, only indirectly refer to the ultimate goal of language policy (that is the welfare of citizens and of the society as a whole, the full realization of human potential). The choice of wording in the documents, which are fundamental for the Russian language policy, implies that both in the mass consciousness and in the political discourse some very mythologized and simplified ideas about the goals and objectives of language policy are tenacious and popular. The formulation of the goals and objectives of language policy in normative legal acts of the Russian Federation, the choice of ways to implement these goals and objectives in the government programs do not allow to say that the potential of language policy as the tool of social and economic development of the country, ensuring social and economic interests of its citizens, is fully realized by the participants of the norm-setting process.

Keywords: *economics of language policy; economics of language; economic development; Russia*

JEL classifications: *B4; N3; Z1*

Введение

Правовые основы российской государственной языковой политики заложены в Конституции России и нескольких федеральных законах, прежде всего в законах «О государственном языке Российской Федерации»¹, «О языках народов Российской

¹ Федеральный закон от 01 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Федерации»² и «Об образовании в Российской Федерации»³, а также в федеральных государственных образовательных стандартах. Отдельные аспекты языковой политики нашли в той или иной степени отражение в законах «О гражданстве Российской Федерации»⁴, «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»⁵, «О средствах массовой информации»⁶, «О национально-культурной автономии»⁷. Кроме того, языковые вопросы затрагиваются в нескольких действующих федеральных государственных программах, а именно в ГП «Развитие образования» на 2013–2020 годы⁸, ГП «Реализация государственной национальной политики»⁹ и ГП «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы¹⁰. Наряду с федеральной государственной языковой политикой, основывающейся на упомянутых нормативных правовых актах, в Российской Федерации на уровне национальных республик и автономий реализуется / может реализовываться дополняющая (но не подменяющая) федеральную собственная языковая политика, анализ которой выходит за рамки данной работы.

Обращаясь к Конституции, упомянутым семи федеральным законам и государственным программам, целесообразно взглянуть на то, какие же принципы и цели языковой политики заложены в российских нормативно-правовых документах, как они сформулированы и насколько, с учетом таких формулировок, реализуемы на практике, а главное – в какой мере заявленные цели, задачи и мероприятия отвечают потребностям социально-экономического развития страны и обеспечения благосостояния граждан.

Языковая политика и социально-экономическая динамика

В тексте нормативных правовых актов Российской Федерации, которые так или иначе определяют языковую политику и устанавливают пути ее реализации, понимание того, что конечная цель языковой политики – это благосостояние граждан и общества в целом, обеспечение возможности удовлетворения материальных и нематериальных потребностей, всесторонней реализации человеческого потенциала, прослеживается разве что косвенно, в положениях о языковых правах граждан. В остальном же проявляется представление о языковой политике как направленной на «защиту, поддержку, развитие и сохранение» русского языка и языков народов России. Если не считать положений о языковых правах граждан, разработчики нормативно-правовых актов очень часто склонны считать конечным объектом языковой политики язык, который при этом рассматривается как нечто самоценное, вместо того чтобы видеть в языке инструмент, ценность которого определяется тем, как и для чего он используется.

Одним из ключевых принципов российской языковой политики является использование русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации на всей ее территории. Статус русского языка как государственного языка и языка межнационального общения с проистекающими из этого статуса положениями закреплен сразу в нескольких законах, в том числе в законе «О государственном языке Российской Федерации». Содержащиеся в законе формулировки относительно языковых прав граждан не вызывают вопросов: они достаточно конкретные и обоснованные. В том, что касается сфер обязательного использования государственного языка, уже возникают вопросы. Сама по себе идея законодательного закрепления таких сфер не

² Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

⁶ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

⁷ Федеральный закон от 17 июля 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

⁸ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642).

⁹ Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532).

¹⁰ Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317).

лишена смысла, ведь тем самым (наряду с упомянутыми мерами по обеспечению прав граждан по приобретению и использованию необходимых языковых навыков и/или услуг перевода) в соответствующих областях общественной жизни (особенно в долгосрочной перспективе) обеспечивается единое языковое пространство и устраняются языковые барьеры, препятствующие эффективному взаимодействию людей, групп людей, организаций, государственных и муниципальных органов. Как раз в этом проявляется социально-экономическое значение языковой политики¹¹. Сложность заключается в оптимальном выборе сфер обязательного использования государственного языка и, шире, сфер использования тех или иных языков вообще.

В ряде нормативных правовых актов также говорится о необходимости сохранения и защиты языков (в частности в законе «О языках народов Российской Федерации»). При этом под «сохранением и развитием» языков (как можно понять из контекста) подразумевается скорее продолжение их изучения и использования в сложившемся качестве в привычных сферах, а под развитием – расширение масштабов их изучения и использования. По сути это – основная сформулированная в явном виде в законодательном акте цель / комплекс задач (а не просто принцип или условие реализации) российской языковой политики. Такое понимание цели и задач языковой политики, возможно, политически корректно и привлекательно звучит для обывателя, но при внимательном изучении и осмыслении вызывает множество вопросов. Нашедшая отражение и в законе «О государственном языке Российской Федерации» идея сохранения в сложившемся виде сфер использования государственного языка, а тем более аналогичная идея относительно уже всех языков народов Российской Федерации, отраженная в законе «О языках народов Российской Федерации», вряд ли могут считаться научно обоснованными или само собой разумеющимися целями / задачами языковой политики. Ведь языковая ситуация, языковые практики да и сами языки на всем протяжении истории человечества находятся в процессе непрекращающихся изменений¹². Выбор предпочтительного языка или языков для использования в тех или иных ситуациях и изучения осуществляется людьми, домохозяйствами, организациями, государством исходя из комплекса соображений, однако в долгосрочной перспективе едва ли не важнейшим является экономическая логика, в соответствии с которой языковые навыки – это ключ к рынкам в самом широком смысле этого слова, инструмент взаимодействия с людьми, причем не только прямого, но и опосредованного текстами (что подразумевает возможность взаимодействия с теми, кто находится вдали не только в физическом, но и во временном измерении)¹³. Конечно, на практике этот выбор осуществляется с учетом разного рода ограничений, таких как издержки, связанные с освоением того или иного языка; доступность, физическая и экономическая, переводческих услуг, а также целесообразность перевода как такового в определенных ситуациях; социальное и/или политическое давление и прямые запреты или ограничения (или, напротив, поощрения); наличие и масштабы других (помимо языковых навыков) ограничений на доступ к тем или иным рынкам. Большинство этих условий (кроме разве что последнего) в той или иной мере взаимосвязаны с проводимой государством языковой политикой, могут обуславливать ее и обуславливаться ею. Языковая политика в той мере, в какой она влияет на языковую ситуацию в долгосрочной перспективе, также не может игнорировать собственных экономических эффектов, своего воздействия на благосостояние общества и отдельных его членов, как, впрочем, не может она игнорировать социально-экономический контекст и его изменения.

¹¹ Об экономических предпосылках и следствиях языковой политики см., в частности, работы Габзевича, Гинзбурга и Вебера (Gabszewicz, Ginsburgh & Weber, 2011), Бугаевой, Вебера и Давыдова (2016), Вебера и Давыдова (2017), Лаитина (Laitin, 1993), Парийса (Parijs, 2000), Рексулака, Шугхарта и Толлисона (Reksulak, Shughart, Tollison, 2004), Гинзбурга и Вебера (Ginsburgh, Weber, 2014), Рубинштейна (Rubinstein, 2000), Грина (Grin, 1994), Гала (Gal, 1989), Кадочникова (2017; 2018).

¹² Об эволюции языков см., например, работы Джона (John, 2016) и Смита (Smith, 2016).

¹³ О мотивах изучения и выбора языка общения см., например, работы Райт (Wright, 2016), Афанасиу с соавторами (Athanasiou et al., 2016), Гинсбурга с соавторами (Ginsburgh et al., 2007).

Социально-экономическая реальность непрерывно меняется, меняются отраслевая структура экономики, структура занятости, направления и масштабы торговли, движения капитала, миграции населения и т.д. Вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что структурные изменения в экономике – это неотъемлемый элемент экономического развития, его суть, а значит, разумная экономическая политика нацелена на управление изменениями, а не на консервацию сложившейся экономической реальности. То же справедливо в отношении языковой политики, поскольку языковая ситуация, языковые практики неразрывно связаны с экономической ситуацией, с хозяйственными практиками. Языковые навыки, обуславливая (наряду с прочими навыками и факторами) конкурентоспособность индивидов / их групп / организаций как экономических агентов, составляют важный элемент человеческого капитала, а значит, в конечном итоге и в целом всего национального богатства¹⁴.

В постоянно меняющемся мире рациональная социально-экономическая политика направлена на приумножение национального богатства, на увеличение общественного благосостояния посредством максимально эффективного использования доступных ресурсов, ранее накопленного капитала, в том числе и языкового. Рациональная и научно-обоснованная языковая политика не может быть нацелена просто на консервацию языковой ситуации как на некую самоцель. Между тем, хотя ни в одном нормативном правовом акте России конкретно такой формулировки нет, установленные в соответствующих законах задачи по сохранению и защите государственного языка, по сохранению и защите языков всех народов России можно трактовать как направленные на консервацию языковой ситуации и/или консервацию корпуса языков, что также противоречит тому факту, что любой активно используемый язык не может не меняться вместе с меняющейся жизнью общества.

Налицо и еще одна проблема – в ряде государственных программ, нацеленных на стимулирование экономического и технологического развития страны, вопросы языка, языковых компетенций, перевода и прочих аспектов языковой политики не отражены никак, несмотря на непосредственную связь с реализацией целей и задач, поставленных в этих программах. Так, в государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика»¹⁵ основные цели – «создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса», «повышение инновационной активности бизнеса», «повышение эффективности государственного управления» – должны быть достигнуты посредством реализации ряда задач, среди которых есть такие, как «формирование экономики знаний и высоких технологий», «повышение доступности и качества государственных и муниципальных услуг», «обеспечение организаций народного хозяйства Российской Федерации управленческими кадрами, отвечающими современным требованиям экономики», «совершенствование сбора, обработки и предоставления статистической информации» и ряд других, явно требующих среди прочего и конкретных мер в языковой сфере. Последние могли бы включать, например, требования к использованию тех или иных языков для общения органов власти и местного самоуправления с различными контрагентами (в том числе зарубежными инвесторами, туристами, мигрантами и т.д.); к использованию языков на государственных и муниципальных интернет-порталах; к языкам публикации статистических данных; языковым компетенциям управленческих кадров, подготовка которых финансируется государством, и т.д. Между тем языковые вопросы ни разу в этой программе не упоминаются. Не упоминаются они и в государственной програм-

¹⁴ Языковые навыки как часть человеческого капитала рассматриваются, в частности, в работе Кэсей и Дагманна (Casey & Dustmann, 2008), как фактор производства и одновременно как его результат – в работе Хеллера (Heller, 2013), который отмечает, что воздействие на языковые практики – это такой же элемент управления хозяйственными процессами, как и управление иными ресурсами.

¹⁵ Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316).

ме «Развитие науки и технологий»¹⁶, хотя среди ее задач есть, в частности, «развитие международной кооперации и обеспечение интеграции российского сектора исследований и разработок в международное научно-технологическое пространство» и «создание условий, необходимых для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности», а ведь вопросы языковой политики в научной сфере имеют к этим задачам прямое отношение. В рамках государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)»¹⁷ предусмотрена в том числе и подпрограмма «Информационная среда», среди задач которой «обеспечение доступности для населения Российской Федерации актуальной и достоверной информации о событиях в стране и мире», «развитие социально значимых проектов в медиасреде», «расширение участия Российской Федерации в международном информационном пространстве». Все эти задачи требуют и конкретных мер в языковой сфере, однако о них не упоминается, если не считать поддержку иноязычного вещания канала «Russia Today». То же справедливо и в отношении подпрограммы «Информационное государство», нацеленной на «предоставление гражданам и организациям государственных, муниципальных и социально значимых услуг (реализации функций), а также повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий» – эффективность взаимодействия определяется не только технологиями, но и языками, что актуально с учетом присутствия в стране большого количества иностранных работников, студентов, туристов; но и в этой подпрограмме о языках не упоминается.

Проблема функциональной специализации языков в глобализирующемся обществе и экономике

Недостаточное понимание экономических / рыночных эффектов языковых барьеров зачастую заставляет ревнителей того или иного языка и ориентирующихся на их мнение популистски настроенных политиков верить в то, что применительно к соответствующему языку наилучшей политикой является сохранение, а в идеале – максимальное расширение сферы его применения с одновременной минимизацией использования иных языков, причем и то и другое – посредством различных директивных методов, запретов и ограничений. Если попытаться найти аналог этой логике во внешнеэкономической политике, то это будет стремление к экономической автаркии и опоре на собственные силы во всех отраслях. В отличие от избирательно применяемых протекционистских мер, которые при определенных условиях могут способствовать развитию отдельных секторов и отраслей до уровня, где те способны уже без всякой поддержки со стороны государства конкурировать на мировых рынках, попытки построения автаркической экономики бесперспективны, чему есть немало подтверждений в прошлом. При этом если уроки истории применительно к внешнеторговой политике не прошли даром для абсолютного большинства мыслящих людей, и тем более для экономистов, то сказать то же о языковой политике, причем в большинстве стран мира, можно лишь с большими оговорками.

В многоязычном обществе (а в условиях глобализации даже моноэтнические сообщества, если они не совсем изолированы от внешнего мира, фактически функционируют как многоязычные) различные языки не дублируют друг друга везде и всегда (кроме разве что документов / текстов, адресованных носителям разных языков), а выполняют различные функциональные роли. Те или иные языки / комбинация языков могут быть предпочтительны для ведения бизнеса и взаимодействия с контрагентами и клиентами в связи с географией соответствующего рынка и/или языковыми навыками контрагентов и клиентов; могут с большим или меньшим успехом обеспечи-

¹⁶ Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301).

¹⁷ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313).

вать научное и/или общественно-политическое обсуждение тех или иных предметов; могут опосредовать бытовое общение в конкретном сообществе; могут служить средством приобщения к вербальным элементам культурно-исторического наследия носителей соответствующих языков; могут использоваться в ритуальных / религиозных целях и т.д. При этом в силу разнообразных причин у того или иного языка могут быть объективно обусловленные преимущества перед другими языками для выполнения конкретной функции, независимые от формально предоставленного / непредставленного данному языку официального статуса и/или от каких-либо текущих административных мер поддержки или, наоборот, ограничений, т.е. независимо от проводимой в данный момент (в краткосрочной перспективе) языковой политики. Текущее распределение функциональных ролей языков так или иначе обусловлено историей использования этих языков, проводившейся в прошлом (возможно, на протяжении веков) языковой политикой, сложным комплексом социально-экономических, демографических и культурных факторов, влияние которых в полной мере проявляется зачастую в процессе смены нескольких поколений людей¹⁸.

Политика в любой сфере может быть успешной и эффективной лишь тогда, когда преследует четко сформулированные, достижимые и обоснованные цели. Применительно к языковой политике это подразумевает как можно более четкое определение целевой (искомой, желательной) функциональной роли (ролей) языка (языков) в масштабах региона, страны, в определенных случаях – части света или всего мира. Чем четче и конкретнее определен целевой набор функциональных ролей языка, тем проще оценить целесообразность государственного вмешательства (содействия, поддержки) и выбрать эффективные меры такого вмешательства. Между тем в федеральных нормативных правовых актах России – законах и государственных программах – о функциях языков (а тем самым и о целях языковой политики) говорится крайне мало. Хоть какая-то конкретика обнаруживается в перечислении сфер обязательного использования государственного языка, но и эта конкретика ограничивается довольно небольшим набором ситуаций, который заведомо уже, чем фактическая и/или желательная сфера использования русского языка, набора его целевых функциональных ролей, причем не только в России, но и в мире. Ни в одном федеральном документе не обнаруживается даже попыток определения такого набора функций ни к по отношению к русскому, ни по отношению к иным языкам. Стоит оговориться, что, конечно же, исчерпывающий перечень целевых (или даже фактических) функций, выполняемых тем или иным языком, составить практически невозможно (либо это будут чрезвычайно широко определенные функции, что в практическом плане не представляет интереса). Тем не менее можно и нужно попытаться выделить отдельные важные функции, обеспечение выполнения которых конкретным языком или языками призвано быть задачей языковой политики.

Простое сохранение языковой ситуации и/или корпуса языков народов России неизменными сложно признать внятно сформулированной и практически ориентированной, а тем более научно обоснованной целью языковой политики. Соответствующие формулировки и словесные обороты, использованные в законодательстве России и в государственных программах, звучат тем более неадекватно сегодняшним реалиям, что по большому счету игнорируют существование иных языков, кроме языков народов Российской Федерации (включая русский). А ведь иностранные языки, в том числе ряд мировых языков, являются неотъемлемой и значимой частью и хозяйственных практик, и языковой ситуации в России, причем как минимум со времен Петра Первого. Изучение иностранных языков, организация переводов с них / на них, использование этих языков в государственном управлении, деловом обороте, науке и искусстве, печати и быту на протяжении нескольких столетий были предметом фор-

¹⁸ О факторах, влияющих на развитие языковой ситуации, см., в частности, работы Мелитца (Melitz, 2016), Холдена (Holden, 2016), Уриарте (Uriarte, 2016).

мального и неформального воздействия со стороны государства и. в свою очередь. оказывали заметное влияние на социально-культурное, научное, экономическое и политико-идеологическое развитие страны, ее интеграцию в различные общеевропейские и общемировые процессы¹⁹.

Информационное, медийное пространство, в котором сегодня живут и действуют жители России, как никогда ранее интегрировано в мировое информационное пространство, прежде всего, благодаря развитию Интернета и телекоммуникационных технологий. Существенно выросла глобальная мобильность, российские граждане посещают другие страны, живут, работают за рубежом, а иностранцы посещают Россию. Растет международная торговля товарами и услугами, международное движение капитала и рабочей силы, международный обмен информацией разного рода. Российские граждане, организации, государство являются фактическими / потенциальными потребителями разнообразной медийной продукции, текстов, публикаций и т.п., изначально создаваемых на иностранных языках, и как потребители заинтересованы в максимальной доступности для себя такой информации. Доступность иноязычных текстов, медиапродукции зависит в том числе и от преодоления языковых барьеров, что может быть достигнуто русскоязычной аудиторией либо посредством освоения иностранных языков, либо благодаря переводу на русский язык (иноязычные создатели текстов, будучи заинтересованы в расширении аудитории, могут брать издержки перевода и на себя либо вообще изначально создавать тексты на русском языке или на языке-посреднике, перевод с которого более доступен или же которым владеет значительная часть потенциальной русскоязычной аудитории). С другой стороны, российские граждане, организации, органы власти создают тексты и медиапродукцию и в общем случае заинтересованы в расширении их аудитории (исключением является информация, предназначенная для ограниченного круга лиц или вообще секретная), в том числе путем преодоления языкового барьера описанными выше способами. При этом такое стремление к расширению аудитории текстов (в экономической терминологии – к расширению рынка своей продукции, причем эта продукция может быть как частным, так и коллективным или общественным благом) может преследовать разные цели. Наиболее очевидный случай – это направленная на получение прибыли / возмещение издержек торговля медиапродукцией, к которой относится книжная продукция, газеты и журналы, видеопродукция, информационные / консультационные услуги, собственно информация (например, технологическая и т.д.), или иной продукцией, но снабженной текстами, необходимыми для ее потребления, как в случае с инструкциями, сопровождающими, в частности, бытовую технику. Создатели текстов могут быть заинтересованы в максимальном их распространении, доступности как можно большему числу людей не только ради извлечения материальных выгод от продажи собственно информации, но и для привлечения внимания общественности / профессионального или научного сообщества к тем или иным вопросам, для рекламы, получения обратной связи, получения широкого признания. Немаловажным случаем обоюдной заинтересованности сторон в снижении языковых барьеров является перевод нормативных правовых актов, документов, инструкций, анкет, используемых во взаимодействии государственных органов с иностранными гражданами и организациями, в частности с иностранными работниками-мигрантами, туристами, иностранными студентами и т.д. В ситуациях, связанных с заинтересованностью в обеспечении языковой доступности текстов и медийной продукции (как со стороны создателей и производителей, так и со стороны аудитории), проявляется значение языковых преград как барьеров, ограничивающих доступ к рынку благ (товаров и услуг). Тем не менее, как было упомянуто выше, в государственной программе «Информационное общество (2011–2020 годы)», которая так или иначе затрагивает многие из этих проблем, языковые вопросы практически не упоминаются.

¹⁹ См., в частности, работы Марусенко (2013; 2014).

Преодоление языковых барьеров имеет большое значение и применительно к рынку труда / человеческого капитала. Сфера потенциального, экономически выгодного приложения людьми (в контексте данной статьи – гражданами России) своих знаний и навыков ограничена среди прочего языковым фактором. Конкурентоспособность работника, специалиста в границах Российской Федерации требует высокого уровня владения русским языком, не только ввиду его официального статуса, но и в силу его объективно преобладающего использования в общественно-экономической и культурной жизни подавляющим большинством населения страны. Конкурентоспособность специалиста, а тем более представителя интеллектуальных профессий, на мировых рынках требует высокого уровня владения иностранными языками, как мировыми (прежде всего английским), так и региональными²⁰. Впрочем, зачастую нет смысла отделять конкурентоспособность и компетентность специалистов (сотрудников, руководителей) как обладателей человеческого капитала от конкурентоспособности и эффективности организаций, в которых они работают: в конечном итоге успех на любом рынке обуславливается как объективными характеристиками продукта (в том числе и языковыми), так и умением вести дела, продвигать продукцию, учитывать особенности целевой аудитории, а это уже вопрос качества человеческого капитала, в том числе коммуникационных и языковых навыков. Потенциал развития экономики России не в последнюю очередь зависит от освоения российскими компаниями и предпринимателями зарубежных рынков, так же как потенциал развития и популяризации российской культуры – от работы с международной аудиторией, а российской науки – от участия в глобальных научных проектах и дискуссиях²¹.

Языковая политика и интеграция в глобальное медийно-информационное пространство

В решении задачи снижения языковых барьеров для выхода российских акторов на глобальные рынки и получения доступа к новой аудитории возможны три основных пути. Это, во-первых, популяризация русского языка за рубежом, содействие его изучению и поощрение его использования жителями других стран, в том числе и соотечественниками за рубежом; во-вторых, организация / поддержка переводов произведений разных жанров с русского языка и других языков народов России на иностранные языки и наоборот; в-третьих, поощрение российских акторов к созданию текстов / произведений на иностранных языках, ориентированных на глобальную аудиторию или аудиторию конкретных стран и регионов.

Во всех этих трех сферах активную роль может и должно играть государство, хотя нельзя недооценивать потенциал и иных общественных институтов, организаций и компаний. Прогресс в каждой из этих трех сфер способствует развитию российской культуры, науки, экономики и других аспектов жизни общества. Но для того, чтобы эти три направления политики (а их можно с одинаковым успехом рассматривать и как направления языковой и/или культурной политики, и как направления социально-экономической политики) не конкурировали друг с другом, а взаимно дополняли друг друга, необходим комплексный подход, основанный на осознании их взаимосвязи и многообразия их эффектов. В настоящее же время, если судить по тому, как соответствующие меры изложены (или не изложены) в российских нормативных правовых и программных документах, они рассматриваются в довольно узких, искусственно разделенных контекстах.

Популяризация русского языка за рубежом и поддержка его изучения мыслятся едва ли не как самоцель и оцениваются по количеству изданных / переданных учеб-

²⁰ См., в частности, исследование о связи степени владения русским языком и возможностями трудоустройства в России для мигрантов из постсоветских стран (Gradirovski & Esipova, 2008).

²¹ О языковых аспектах глобализации см., например, работы Скютнабб-Кангаса и Филлипсона (Skutnabb-Kangas & Phillipson, 2013), Риченто (Ricento, 2013), Бломмарта (Blommaert, 2012).

ных пособий, организованных олимпиад и мероприятий и т.д. Популяризация русского языка за рубежом, сохранение и/или увеличение численности его зарубежных носителей должны быть не самоцелью: они являются средством для широкого продвижения российской медиапродукции, российского культурного и научного продукта, а равно и для вовлечения в российские социокультурные и экономические процессы зарубежного человеческого капитала, а также следствием этих процессов, ведь связь между интересом к русскому языку и интересом к российской культуре носит двусторонний характер. Для того чтобы продвижение, популяризация и поддержка русского языка за рубежом были эффективны, они должны быть увязаны с конкретными шагами, направленными на продвижение и популяризацию среди глобальной аудитории российской культуры и науки. У каждого, кто изучает русский язык (или просто рассматривает саму эту возможность) за рубежом, должно быть ясное представление о том, какие дополнительные возможности (не абстрактные, а совершенно конкретные) знание русского языка открывает с точки зрения продолжения образования и участия (в качестве создателя и/или потребителя, представителя аудитории) в научной и культурной деятельности, с точки зрения доступа к информационным ресурсам, базам данных, трудоустройства или ведения бизнеса в России и т.д. Собственно говоря, как раз создание и пропаганда таких возможностей и будет наиболее эффективной мерой по продвижению и поддержке русского языка за рубежом. Открывая Россию, ее рынки и культуру для иностранцев, такая политика одновременно открывает доступ к зарубежной аудитории для российских акторов.

Важную роль в интеграции в глобальное медийно-информационное пространство играет феномен перевода²². Не стоит недооценивать значение поддержки (организации и финансирования) переводов с языков народов России на иностранные языки и наоборот, а также с одного на другой язык народов России как одного из инструментов языковой политики. Перевод не только устраняет языковой барьер (пусть локально, ситуативно, но зато и с меньшими затратами, нежели требуется одной из сторон / сторонам взаимодействия для устранения языкового барьера посредством изучения того или иного языка), но и фактически трансформирует медийно-информационный продукт, созданный на одном языке, в продукт на другом языке. Расширение же спектра информации, доступной на конкретном языке (не только изначально созданной на нем, но и переведенной на него), повышает востребованность этого языка, а значит актуальность и ценность соответствующих языковых навыков. Популярность и востребованность так называемых мировых или глобальных языков связана не только с культурной, научной, экономической деятельностью их носителей, но и с ролью этих языков как языков-посредников, которые обслуживают не только прямое / живое общение представителей разных языковых сообществ, но и обмен информацией посредством перевода текстов и медиапродукции с мало распространенных на более широко используемые языки. Перевод на более распространенный язык сам по себе расширяет потенциальную аудиторию, но также и снижает издержки возможного последующего вторичного перевода на уже иные локальные языки.

Предусмотренная федеральной целевой программой «Культура России (2012–2018 годы)» поддержка переводов произведений российских авторов на иностранные языки призвана способствовать популяризации современной российской культуры за рубежом и, воздействуя на языковые барьеры, также может рассматриваться как элемент языковой политики. Но и с точки зрения культурной, и с точки зрения языковой политики эта мера выглядит несколько одиноко, изолированно, а не как часть системных мер. Во-первых, поддержка переводов с русского на иностранные языки распространяется лишь на произведения художественной литературы (не говоря

²² Об экономических и социальных аспектах феномена перевода см., в частности, работы Хейлброн (Heilbron, 2016), Гинсбурга с соавторами (Ginsburgh et al., 2011).

уже о довольно ограниченном числе произведений), но не на научно-техническую, справочно-информационную, публицистическую литературу, художественные и документальные видео- и аудиоматериалы, что не менее, а, скорее, даже более важно как для ознакомления зарубежной аудитории с Россией, так и для повышения интереса к различным аспектам российской действительности (а значит, и к русскому языку и/или к переводам с русского языка). Во-вторых, сформулированная в явном виде поддержка переводов литературных произведений российским государством не сопровождается сколь-либо четкой и стратегически сформулированной позицией относительно перевода / дублирования на иные языки публикаций и информационных материалов органов государственной власти (в том числе размещаемых на интернет-сайтах) и нормативных правовых актов; в настоящее время такого рода перевод и выбор языков для перевода таких материалов часто осуществляется в отсутствие какого-либо продуманного подхода, зачастую без учета специфики потенциальной аудитории. В-третьих, поддержка переводов с русского на иностранные языки не сопровождается аналогичной поддержкой переводов с иностранных языков на русский и другие языки народов России. Стоит, конечно же, оговориться, что в ряде случаев (в частности, в зависимости от языка перевода и от размеров и готовности платить потенциальной аудитории) перевод является коммерчески оправданным и осуществляется без какой-либо государственной поддержки. В рамках реализации языковой политики государство не должно подменять собою рынок, но должно сосредоточиться на тех ситуациях, в которых маловероятна быстрая окупаемость затрат на перевод за счет целевой аудитории, а долгосрочные прибыли от преодоления языкового барьера выходят за рамки коммерческой выгоды; кроме того, государственная поддержка может быть актуальна для переводов на малораспространенные, локальные (в сравнении с мировыми) языки, что важно с точки зрения оперативного доступа к соответствующей аудитории в контексте, к примеру, культурной дипломатии.

В некоторых случаях оптимальным способом выхода к широкой аудитории за рубежом, глобально или в масштабах того или иного региона или страны, является изначальное использование соответствующего иностранного языка для создания текста / произведения. Очевидно, что для этого требуется наличие соответствующих языковых навыков у авторов, а также доступность (в том числе экономическая) услуг по редактированию и корректуре. Вероятно, в наибольшей степени это актуально для научных публикаций, материалов, баз данных и т.п. И как раз в этом вопросе российскому государству необходимы согласование, координация целей научно-образовательной политики, с одной стороны, и языковой политики, с другой стороны. К сожалению, в реальности этого не наблюдается, поощрение публикаций российских авторов (прежде всего) англоязычных научных журналах рассматривается исключительно в контексте задачи повышения международной цитируемости российских ученых, а о долгосрочных последствиях для российской науки и русского языка никто особо не задумывается. Между тем успешное выполнение русским языком функций языка научных публикаций и научных дискуссий – это одно из важнейших условий не только сохранения им статуса одного из мировых языков, сохранения и расширения его востребованности как в России, так и за рубежом. Кроме того, выполнение функций языка науки тесно и обоюдно связано с дальнейшим полноценным развитием корпуса русского языка, ведь выполнение сложных функций языком требует и одновременно является предпосылкой всестороннего развития языка как такового. Невозможно отрицать то, что в современном мире доминирующим международным языком науки является английский. Вследствие этого использование английского языка, в том числе и российскими учеными, является оправданным и даже желательным, но при условии, что это не наносит ущерба, а, желательно, способствует научному дискурсу на

русском языке. Для того чтобы это стало возможным, необходимо для начала задуматься над оптимальным распределением ролей русского, английского и иных языков в российской науке. Если в естественно-научных дисциплинах опубликование или публичное обсуждение результатов научных исследований российских ученых вполне может или даже должно осуществляться преимущественно на английском языке либо параллельно на английском и русском, то во многих общественных и гуманитарных дисциплинах принципиально важно сохранять использование русского языка как основного, что не исключает возможности параллельного и/или выборочного использования английского и иных языков. В упомянутых общественных и гуманитарных дисциплинах доминирующий язык дискурса, во-первых, непосредственно определяет качество этого дискурса, его глубину и адекватность реалиям, а во-вторых, принципиально важен для связи с целевой аудиторией, которой в указанных дисциплинах в идеале должно быть общество в целом, во всяком случае при посредстве политиков, государственных и муниципальных служащих, журналистов, общественных деятелей и т.д. Если, преследуя цель повышения цитируемости в англоязычных журналах и/или будучи активно побуждаемы к этому руководством вузов и научных организаций (ради упоминания в неких международных рейтингах, объективность, а главное – конечная польза которых отнюдь не всегда очевидны), российские ученые посвятят свое время и усилия утверждению своих позиций в глобальном англоязычном академическом сообществе в ущерб разговору с собственным, российским обществом и на русском же языке, то в конечном итоге общество оплатит им соответствующим образом. Опубликование результатов исследований, экспертных оценок и мнений на английском языке – это не просто обращение к аудитории более обширной, но и обращение к аудитории преимущественно иной по своему интеллектуально-историческому багажу, отличающейся от российской и русскоязычной аудитории степенью понимания (или непонимания) российских исторических и постсоветских реалий, российского культурного и социально-экономического контекста. Это не может не сказываться как на выборе тем публикаций, так и на их содержании, глубине освещения тех или иных аспектов изучаемых вопросов. Относящиеся к обществоведческим и гуманитарным дисциплинам публикации на английском языке (и на большинстве других иностранных языков), посвященные российским реалиям, как правило, рассматривают проблемы (аспекты проблем) пусть и имеющие место в России, но носящие универсальный характер, обладающие международной актуальностью; в противном случае публикация не заинтересует иностранную аудиторию. Это и нормально, и неизбежно, но нужно осознавать, что сведение обсуждения тех или иных российских тем к обсуждению преимущественно их универсальных аспектов существенно обедняет научные дискуссии, поскольку игнорирует те специфические аспекты, которые понятны и актуальны для тех, кто погружен в российский и русскоязычный контекст, и которые чаще всего представляют наибольший практический интерес, в том числе с точки зрения выработки соответствующей политики. Поощрение обращения российских ученых к международной / англоязычной аудитории, их участия в глобальных научных процессах можно только приветствовать, но лишь при условии, что это будет дополнять и продолжать, а не разрушать и сужать научные дискуссии на русском языке, не будет умалять функцию русского языка как языка науки. Именно поэтому любые шаги, предпринимаемые на государственном уровне или на уровне отдельных научно-исследовательских или образовательных организаций и призванные влиять на использование тех или иных языков в работе и публикациях их сотрудников, должны основываться на ясном понимании целевого распределения функций и ролей между языками, включая русский, и на долгосрочных последствиях достижения такого функционального распределения. Опять же остается сожалеть о том, что в упомянутой государственной программе «Развитие

науки и технологий» не нашлось места конкретным идеям относительно языковых практик в российской науке.

***

Выбор формулировок в основополагающих для российской языковой политики документах является одним из явных свидетельств того, что и в массовом сознании, и в политическом дискурсе живучи и популярны очень мифологизированные и упрощенные представления о целях и задачах языковой политики. Обнаруживаемая постановка целей и задач языковой политики в нормативных правовых актах Российской Федерации, выбор практических мер реализации этих целей и задач в государственных программах не позволяют говорить о том, что потенциал языковой политики как инструмента социально-экономического развития страны, обеспечения социально-экономических интересов ее граждан задействован в полной мере или хотя бы осознается участниками нормотворческого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Бутаева, К., Вебер, Ш., Давыдов, Д. (2016). Язык, культура, миграция, конфликты: экономическая проекция // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика, (1), 3–21.

Вебер, Ш., Давыдов, Д. (2017). Социально-экономические эффекты языкового разнообразия // *Вопросы экономики*, (11), 50–62.

Кадочников, Д. (2016). Теоретико-экономический взгляд на языковую политику // *Вопросы экономики*, (2), 128–140.

Кадочников, Д. (2017). Языковая политика и экономика мегаполиса: анализ федеральных и петербургских нормативно-правовых актов, с. 157–178 // *Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ*. М.–СПб.: Изд-во Института Гайдара.

Марусенко, М. (2013). Внутренний языковой империализм США // *США – Канада. Экономика, политика, культура*, (10), 35–48.

Марусенко, М. (2014). Внешний языковой империализм США // *США – Канада. Экономика, политика, культура*, (6), 31–44.

Athanasidou, E., Moreno-Ternero, J. and Weber, S. (2016). Language Learning and Communicative Benefits, pp. 212–230 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Blommaert, J. (2012). *The Sociolinguistics of Globalization*. NY: Cambridge University Press.

Casey, T. and Dustmann, C. (2008). Intergenerational Transmission of Language Capital and Economic Outcomes // *The Journal of Human Resources*, 43(3), 660–687.

Gabszewicz, J., Ginsburgh, V. and Weber, S. (2011). Bilingualism and Communicative Benefits // *Annals of Economics and Statistics*, (101/102), 271–286.

Gal, S. (1989). Language and Political Economy // *Annual Review of Anthropology*, 18, 345–367.

Ginsburgh, V. and Weber, S. (2014). Culture, Languages, and Economics, pp. 507–539 / In: V. Ginsburgh and D. Throsby (eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. New York: Elsevier.

Ginsburgh, V., Ortuño-Ortín, I. and Weber, S. (2007). Learning foreign languages. Theoretical and empirical implications of the Selten and Pool model // *Journal of Economic Behavior and Organization*, 64, 337–347.

Ginsburgh, V., Weber, S. and Weyers, S. (2011). The economics of literary translation: Some theory and evidence // *Poetics*, 39, 228–246.

Gradirovski, S. and Esipova, N. (2008). Russia's Language Could Be Ticket in for Migrants // *Gallup.com*, November 28. (<http://www.gallup.com/poll/112270/russias-language-could-ticket-migrants.aspx>).

Grin, F. (1994). The Economics of Language: Match or Mismatch? // *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 15(1), 25–42.

Heilbron, J. (2016). Translation: Economic and Sociological Perspectives, pp. 373–402 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Heller, M. (2013). Language as Resource in the Globalized New Economy, pp. 349–365 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Holden, N. (2016). Economic Exchange and Business Language in the Ancient World: An Exploratory Review, pp. 290–311 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

John, A. (2016). Dynamic Models of Language Evolution: The Economic Perspective, pp. 101–120 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Kadochnikov, D. (2016). Languages, Regional Conflicts and Economic Development: Russia, pp. 538–580 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Laitin, D. (1988). Language Games // *Comparative Politics*, 20(3), 289–302.

Laitin, D. (1993). The Game Theory of Language Regimes // *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 14(3), 227–239.

Melitz, J. (2016). English as a Global Language, pp. 583–615 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Parijs, P. (2000). The Ground Floor of the World: On the Socio-Economic Consequences of Linguistic Globalization // *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 21(2), 217–233.

Reksulak, M., Shughart, W. and Tollison, R. (2004). Economics and English: Language Growth in Economic Perspective // *Southern Economic Journal*, 71(2), 232–259.

Ricento, T. (2013). Language Policy and Globalization, pp. 123–141 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Rubinstein, A. (2000). *Economics and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Skutnabb-Kangas, T. and Phillipson, R. (2013). The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? pp. 77–100 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Smith, A. (2016). Dynamic Models of Language Evolution: The Linguistic Perspective, pp. 61–100 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Uriarte, J.-R. (2016). A Game-Theoretic Analysis of Minority Language Use in Multilingual Societies, pp. 689–711 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Wright, S. (2016). Language Choices: Political and Economic Factors in Three European States, pp. 447–488 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

Athanasiou, E., Moreno-Ternero J., and Weber S. (2016). Language Learning and Communicative Benefits, pp. 212–230 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Blommaert, J. (2012). *The Sociolinguistics of Globalization*. NY: Cambridge University Press.

- Butaeva, K., Weber, S. and Davydov, D. (2016). Language, Culture, Migration, and Conflicts: Projection into Economic Field. *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Herald of Moscow University]*. Series 6: Economics, (1), 3–21.
- Casey, T. and Dustmann, C. (2008). Intergenerational Transmission of Language Capital and Economic Outcomes. *The Journal of Human Resources*, 43(3), 660–687.
- Gabszewicz, J., Ginsburgh, V., and Weber, S. (2011). Bilingualism and Communicative Benefits. *Annals of Economics and Statistics*, (101/102), 271–286.
- Gal, S. (1989). Language and Political Economy. *Annual Review of Anthropology*, 18, 345–367.
- Ginsburgh, V., and Weber, S. (2014). Culture, Languages, and Economics, pp. 507–539 / In: V. Ginsburgh and D. Throsby (eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture*. New York: Elsevier.
- Ginsburgh, V., Ortuño-Ortin, I., and Weber, S. (2007). Learning foreign languages. Theoretical and empirical implications of the Selten and Pool model. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 64, 337–347.
- Ginsburgh, V., Weber, S., and Weyers, S. (2011). The economics of literary translation: Some theory and evidence. *Poetics*, 39, 228–246.
- Gradirovski, S., and Esipova, N. (2008). Russia's Language Could Be Ticket in for Migrants. *Gallup.com*, November 28. (<http://www.gallup.com/poll/112270/russias-language-could-ticket-migrants.aspx>).
- Grin, F. (1994). The Economics of Language: Match or Mismatch? *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 15(1), 25–42.
- Heilbron, J. (2016). Translation: Economic and Sociological Perspectives, pp. 373–402 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.
- Heller, M. (2013). Language as Resource in the Globalized New Economy, pp. 349–365 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Holden, N. (2016). Economic Exchange and Business Language in the Ancient World: An Exploratory Review, pp. 290–311 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.
- John, A. (2016). Dynamic Models of Language Evolution: The Economic Perspective, pp. 101–120 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.
- Kadochnikov, D. (2016). Language Policy: An Economics Perspective. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 128–140. (In Russian.)
- Kadochnikov, D. (2016). Languages, Regional Conflicts and Economic Development: Russia, pp. 538–580 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.
- Kadochnikov, D. (2017). Language Policy and Urban Economy: A Review of Federal and Saint Petersburg Legal Acts, pp. 157–178 / In: *The Almanac of the Center for the Study of Economic Culture*. Moscow – St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing. (In Russian.)
- Laitin, D. (1988). Language Games. *Comparative Politics*, 20(3), 289–302.
- Laitin, D. (1993). The Game Theory of Language Regimes. *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 14(3), 227–239.
- Marusenko, M. (2013). Internal language imperialism of the USA. *USA – Canada. Economics, politics, culture*, (10), 35–48. (In Russian.)
- Marusenko, M. (2014). External language imperialism of the USA. *USA – Canada. Economics, politics, culture*, (6), 31–44. (In Russian.)
- Melitz, J. (2016). English as a Global Language, pp. 583–615 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Parijs, P. (2000). The Ground Floor of the World: On the Socio-Economic Consequences of Linguistic Globalization. *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, 21(2), 217–233.

Reksulak, M., Shughart, W., and Tollison, R. (2004). Economics and English: Language Growth in Economic Perspective. *Southern Economic Journal*, 71(2), 232–259.

Ricento, T. (2013). Language Policy and Globalization, pp. 123–141 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blaskwell.

Rubinstein, A. (2000). *Economics and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Skutnabb-Kangas, T., and Phillipson, R. (2013). The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder?, pp. 77–100 / In: N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blaskwell.

Smith, A. (2016). Dynamic Models of Language Evolution: The Linguistic Perspective, pp. 61–100 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Uriarte, J-R. (2016). A Game-Theoretic Analysis of Minority Language Use in Multilingual Societies, pp. 689–711 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.

Weber, S., and Davydov, D. (2017). Societal and economic effects of linguistic diversity. *Voprosy Ekonomiki*, (11), 50–62. (In Russian.)

Wright, S. (2016). Language Choices: Political and Economic Factors in Three European States, pp. 447–488 / In: V. Ginsburgh and S. Weber (eds.) *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan.